

Как быть?

- Кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!
(Народ безмолвствует).

В 89-м году по заказу чикагского издательства Slavic Gospel Press я перевёл книжку знаменитого американского богослова Фрэнсиса Шейфера, название которой на русском языке стало вопросом «Как же нам теперь жить?» (“How should we then live?”). Кажется её позже ещё раз перевели уже в России и название поменялось. Первое же издание, как я понимаю, теперь библиографическая редкость – я, во всяком случае, на интернете её не нашёл. Только в одной из библиотек, где её и забронировать нельзя.

Написанная в 76 году книга была попыткой исследовать ключевые моменты истории, которые сформировали западную культуру того времени, и идеи, благодаря которым эти моменты возникли. Как писал в обращении к читателю автор, «Исследование это совершено в надежде пролить свет на главные характерные черты нашего времени и, может быть, найти решение мириадам проблем, встающих перед нами по мере того, как мы приближаемся к концу двадцатого столетия».

Свет был пролит, решения предложены, услышаны не были. Мы уже значительно удалились в новое столетие, проблемы и не думают тихо сидеть по углам и продолжают вставать.

Я не стану повторять взгляды автора книги, которые, в соответствии с его христианскими убеждениями, сводились к известной истине о том, что человек наделён разумом и совестью, которые позволяют ему ощущать высшую систему ценностей и действовать в соответствии с ней, и когда он от такого преимущества отказывается, ему грозят большие или меньшие неприятности.

К тому, что две тысячи лет человечество никак не соглашается такую истину усвоить, мы уже как-то привыкли и даже, я бы сказал, приспособились. Но на днях я встретился с обстоятельством, которое заставило меня увидеть, как стремительно мы начали избавляться от последних следов и намёков на существование этой истины. И теперь я думаю, что уже и та книжка, всего лишь тридцатилетней давности, не была даже внимательно прочитана.

«Навык глубокого чтения означает погружение читателя в сравнительно большой кусок текста таким образом, что он начинает воспринимать развитие мысли автора и её смысл и вступает в так называемые диалектические отношения с ним. Результатом – в случае удачи – становится слияние авторского и читательского сознания, рождающее новое и оригинальное постижение». Это писала в 2018 году Мериэнн Вулф в своей книге «Читатель, вернись домой».

Она напоминает, что процесс внимательного чтения развивает нашу способность к абстрактному мышлению, вызывает потребность и умение задавать трудные вопросы и отвечать на них и укрепляет творческие силы и воображение, поскольку мозг продолжает выстраивать новые связи и обогащает себя. При этом процесс этот не задан природой. В организме не существует генетической предрасположенности для развития этой части мозга. Навык внимательного чтения – это продукт культуры и биологическим, наследственным образом не передаётся.

Какая стремительная, пугающая деградация!

Всего тридцать лет понадобилось, чтобы кто-то вынужден был вернуться к ликвидации читательской безграмотности, пояснять то, что было самоочевидным ещё так недавно.

Автор вынужден даже апеллировать к науке, чтобы подтвердить своё представление:

«Это происходит потому что такой процесс отчасти осуществляет своего рода «мозговую революцию», то есть он сопровождается определёнными и наблюдаемыми нейрофизиологическими последствиями. Такое представление о навыке глубокого чтения ведёт к пониманию истории, равно как и современной политической ситуации».

Кажется, и этот поезд уже уходит, ибо к науке мы начинаем относиться с подозрением – в соответствии с философией прагматизма. Мы готовы пользоваться ею, пока она предлагает материальные выгоды, и с пренебрежением отвергаем её, когда она свидетельствует о наших ошибках и заблуждениях, предлагая нам пересмотреть сложившуюся систему ценностей. Самостоятельной, независимой и объективной ценностью – что всегда было преимуществом науки, как средства познания, она больше для нас не обладает.

Примерно в то же время, когда выходила книжка Шейфера, в 91 году, в беседе с Иосифом Бродским возникла похожая тема.

«Для детей, когда они начинают читать стишки, там все эти jingles и так далее, и так далее, песенки, – это для них, как бы сказать, способ развития языка. Ознакомление с языком. Они развивают свою способность к артикуляции. Именно дети. На каком-то этапе это все прекращается. То есть, когда человек становится взрослым, он прекращает этим заниматься. У него такое убеждение, что его артикуляция в достаточной степени развита. На самом деле, что он освоил?.. Он освоил не столько язык, сколько определенную идиоматику, которая ему необходима в его работе, в отношениях с противоположным полом, в продвижении и так далее, и так далее. Но этой идиоматики недостаточно для того, чтобы, скажем, в нужный момент кого-нибудь утешить или наоборот – причинить радость. Этой идиоматикой человек не владеет, даже наиболее продвинутый человек, не правда ли? Изящная словесность, я думаю, в этом случае полезна.

...Изящная словесность это, как бы сказать, единственная страховка, которая существует у человека, как у вида, единственное, что его может предохранить впоследствии... Это такое противоядие против пошлости, если угодно. Против пошлости, которая в каждом человеческом сердце, да? В каждом человеке. То есть она каким-то образом тебя воспитывает, и другого ничего нет... Это искусство безнадежно семантическое, искусство смысла. То есть, оно действует не на твои, скажем, нервные окончания, не на слух, не на зрение – оно апеллирует не к твоим чувствам, а именно к твоему сознанию. Чтение стихотворения вообще чтение – это приключение, которое происходит в сознании, в вашем мозгу».

Согласитесь, что это совсем другой уровень дискурса. Но вот тридцать лет спустя нам вновь приходится возвращаться к азам, к элементарному разговору о пользе чтения.

Книга Мэриенн Вулф в основном посвящена особому явлению, которое разрушительным образом воздействует на развитие читательских навыков у подрастающего поколения – цифровой технологии. Но для нас, взрослых людей, пока ещё это вопрос самостоятельного выбора. Технология или нет, но читать мы разучиваемся.

Это правда, как отмечает Вулф, что навык к внимательному чтению не рассматривался, как особый фактор в истории, поскольку историки были настолько погружены в мир текстов, что, подобно рыбе в воде, воспринимали этот процесс само собой разумеющимся. Казалось, что до поры до времени это было и очевидным общим знанием, не требовавшим ни подтверждения, ни исследования. Как «Осевые эпохи» Карла Ясперса, рождавшие между восьмым и третьим столетиями до Новой эры сходные философские и религиозные концепции в удалённых друг от друга и не общавшихся цивилизациях. Возможно, эта загадка тоже объясняется одновременным изобретением и широким распространением письменности в этот же период. Поскольку письменное слово, рождая разнообразные формы выражения идей, стимулировало одновременное общее развитие абстрактного мышления.

Как же получилось, что чтение больше не рассматривается, как очевидно необходимое занятие?

Вот устрашающие цифры. Сейчас, в 2019 году большой процент американцев приобрёл навыки внимательного чтения по сравнению с 1819 или 1919 годом. Но не с 1949-м! Разумеется, этот срок совпадает с изобретением телевидения и впоследствии – компьютера и айфона. Но ведь человек сознательно и добровольно отдал предпочтение именно этим новинкам.

И тогда возникает подозрение: не является ли неумение политического класса находить решения общественных и международных проблем результатом не столько острой партийной поляризации, сколько уратой этими, разучившимися читать деятелями способности думать глубже поверхностного напряжения сообщений в Твиттере?

Да ведь и об этом предупреждал Бродский:

«Я не сомневаюсь, что, выбирая мы наших властителей на основании их читательского опыта, а не основании их политических программ, на земле было бы меньше горя. Мне думается, что потенциального властителя наших судеб следовало бы спрашивать прежде всего не о том, как он представляет себе курс иностранной политики, а о том, как он относится к Стендалю, Диккенсу, Достоевскому...

И я говорю именно о чтении Диккенса, Стендаля, Достоевского, Флобера, Бальзака, Мелвилла и т.д., т.е. литературы, а не о грамотности, не об образовании. Грамотный-то, образованный-то человек вполне может, тот или иной политический трактат прочтя, убить себе подобного и даже испытать при этом восторг убеждения. Ленин был грамотен, Сталин был грамотен, Гитлер тоже; Мао Цзедун, так тот даже стихи писал; список их жертв, тем не менее, далеко превышает список ими прочитанного.

Среди преступлений (*против литературы*)... наиболее тяжким является не цензурные ограничения и т. п., не предание книг костру. Существует преступление более тяжкое -- пренебрежение книгами, их не-чтение. За преступление это человек расплачивается всей своей жизнью: если же преступление это совершает нация -- она платит за это своей историей».

Недавно, наблюдая одну из прессконференций президента, на которой журналисты задавали ему вполне радикальные и разумные вопросы, а он парировал их со свойственным ему пренебрежением к логике, порядочности и фактам, я вдруг совершенно отчётливо осознал, что эта полемика абсолютно бесперспективна. И нет никакой надежды, что даже зачаточно разумная мысль может одержать победу в таком

установившемся дискурсе. Оба мнения – явно разумное и явно ложное уравнились в своей ценности, и ни одно не способно больше проникнуть в сознание. В более широкой перспективе такое же бессилие овладело вообще всем политическим процессом, и пределы ещё возможных компромиссов стремительно сужаются.

В таком дискурсе нечего удивляться, что яркий представитель либеральных демократов, бывший вице-президент Клинтона Ал Гор оценивает поведение президента в ситуации пандемии, как «безответственное, некомпетентное и недостойное». Эта лексика никак не соответствует глубине кризиса. Можно ли сказать, что это неверные определения? Нет. Соответствуют эти определения поведению президента? Да. Выражают ли они суть и полное значение этого поведения? Ни в малейшей степени. Значение и весомость этого поведения заслуживают гораздо более отчётливой и адекватной оценки, потому что они касаются не политического противостояния партий – в рамках которого его характеризует Гор, а жизни людей и, в конечном счёте – гражданского состояния и будущего страны. И точнее было бы назвать поведение президента «бесчеловечным, преступным, опасным и предательским». Тогда мы приближаемся к основным пружинам приходящего и получаем основание и возможность исправить ситуацию.

В рамках же политической, бесконечной и бесперспективной перепалки на характеристику ярого демократа можно ответить так:

- Безответственно? Никто не встречался с такого масштаба ответственностью, поэтому неизбежны ошибки. Мы учимся на ходу.

- Некомпетентно? Кто определяет мою компетентность? Человек, не сумевший стать президентом?

- Недостойно? Я так не считаю, но если это кажется кому-то обидным – я прошу прощения. Я не имел в виду кого бы то ни было обижать.

Здесь нет выхода из ситуации. Обе стороны по уши завязли в контексте, и ни одна не проникает – пожалуй и не стремиться проникнуть – глубже поверхности событий. Это стратегия взаимного сохранения политической элиты. Психологически эти перепалки не пробуждают инстинкт к действию, останавливаются лишь на осуждении и им удовлетворяются. Нынешние государственные деятели следуют по существу практике софистов, вероятно даже не подозревая этого. Правда их сознание обогатилось теперь ещё и идеологией прагматизма, и это ещё больше осложняет им осознание собственных убеждений и действий.

На родине этого термина и практики «софистика» в конце концов была разоблачена, как негативное умонастроение, означающее рассуждения, сознательно вводящие в заблуждение, а софист стал означать мыслителя, который пользуется умением рассуждать для доказательства того, что угодно ему, независимо от истинности доказываемого. – «платного учителя мудрости», даже «ложного мудреца».

По этим законам, этика, в лучшем случае, предполагается, но всегда остаётся за рамками дискуссии, этические требования никогда не называются.

Протагор – отец софистики – обещал научить тому, как с помощью искусства слов сделать более слабый довод более сильным.

Горгий – его наследник – предлагал вынести идею Божества за скобки или вообще вычеркнуть ее.

Так рождалась ядовитая, взрывоопасная смесь атеизма и прагматизма. Софисты расшатали привычные каноны мышления, изощрив искусство анализа, но в итоге они

пришли к самоотрицанию философии. Раз действительность испарилась, зачем вообще нужны рассуждения о мире и последовательный взгляд на вещи?

Отрицательное влияние софистов сказывалось быстро: люди приучались к интеллектуальной безответственности. Сомнение во всем сулило им свободу и большие удобства. Люди с шаткими нравственными устоями любили прибегать к приемам софистики.

Сейчас, если большинство политиков всё ещё можно как-то соотнести с софистами, то для наиболее откровенных это слишком щедрая оценка существующего торгашеского метода заговаривать зубы.

Тем, кто располагает опытом советской России легко сравнить этот метод с большевистским новоязом, с которым Мераб Мамардашвили разделялся так:

«Мы не сможем очистить или позволить выздороветь такому сознанию, если будем продолжать употреблять такие дубовые, уродливые слова, как «ошибки», «отклонения», «необоснованные репрессии» (как будто бывают обоснованные?!), «ложный навет», «перегибы» и т. д. Это бессмысленный набор слов. Так мы не сможем извлечь смысл из того, что с нами произошло».

Курт Вонегут сравнивал роль художника в обществе, с ролью «канарейки в шахте», предупреждающей о присутствии опасности. Теперь пожалуй такую роль стала играть любая истинная нравственная оппозиция. И хорошо ещё, если общество помнит об этом жестоком механизме предупреждения. Но роль эта – не активна, она жертвенна. Чтобы сигнал опасности прозвучал, канарейке нужно умереть – а смерть её ещё нужно заметить.

Нынешние же владельцы шахт кажется готовы экономить и на канарейках.

Сократ называл себя «докучливым оводом», и были люди, которые свидетельствовали, что его жало для них целительно. Он учил людей добру с помощью острой иронии. И чем мягче была его ирония, тем больнее она язвила.

И вот современная дилемма – оставаться «канарейкой» или стать «докучливым оводом»? Похоже, что ни тот, ни другой способ больше не работают.

Но нет ли третьего, свежего пути?

По словам Сократа, он временами ощущал в себе присутствие какого-то божественного существа и говорил, что это некий голос, который всякий раз отклоняет его от того или иного действия, но никогда не говорит, что надо делать.

Иногда этого больше чем достаточно – не делать, не совершать зла.

Может быть, выход следует искать даже не в активизации и ужесточении более разумных представлений – как мы уже видим, крайнее напряжение реформистских идей тоже не способно проникнуть в сознание людей, и большинство готово вновь выбрать в президенты матёрого политика, вполне нейтральную фигуру, не обещающую никаких перемен. Уж явно не читателя. Возможно, мы нуждаемся в создании совершенно нового дискурса, сильно очищенного от привычной терминологии, да и от всего замыленного языка, смертельно от нас уставшего.

Может стоит какое-то время помолчать, прежде чем мы заговорим по-новому. Подобно медицинскому персоналу, сёстрам, молчаливо противостоящим разнузданной толпе, громогласно требующей прекратить карантин – символ времени, сила духа и истины, за которой – будущее. Не вступая в полемику, они проводят двенадцатичасовые

смены, выхаживая больных вирусом. А потом, вместо того чтобы приходить в себя и набираться сил для новой смены, готовы молча заявлять тем, кто не видит их за работой, где находится правда.

Мне кажется, нужно потерять не только достоинство, но человеческий облик, чтобы эта картина не заставляла содрогнуться.

Кончатся эти изнурительные смены, и они заговорят. Сумеем ли мы перенять их новый язык?

Итак.

Мы знаем, чего следует опасаться, и чего не следует делать.

Но что же всё-таки делать тем, кто более или менее отдаёт себе во всём этом отчёт?

Прежде всего – постараться не нервничать. Не уступать истерическим сигналам, идущим со всех сторон – это ещё одно проявление разрушительных сил, направленное на уничтожение последнего опорного пункта разумного сознания.

И не считать, что вот сейчас, немедленно, сию минуту надо предпринять что-то радикальное. Поскольку мы толком не знаем, что именно, мы, вероятнее всего послужим своими действиями всё той же разрушительной силе. Сейчас мы можем осуществлять только простую, бытовую, практическую помощь тем, кто в ней нуждается.

А тем временем, глубоко вздохнув несколько раз, попробуем вернуться как можно глубже к истокам, к тому времени и состоянию цивилизации, которое хотя бы на первый, ещё поверхностный взгляд отражает относительно разумное положение вещей в мире. При этом следует позабыть о механическом времени и не беспокоиться о том, как долго нам придётся осваивать эти исторические основы. Нужно помнить, что мы в немалой степени ослаблены в своей познавательной способности развитием событий в последние – по меньшей мере сто лет, и надеяться, что не утратили эту способность окончательно.

Возможно, прежде чем мы успеем прийти к каким-то выводам, нам придётся пережить некие катастрофические события. Ну что ж, мы их заслужили. И ни нынешними внешними, ни внутренними силами и средствами нам их всё равно не предотвратить.

Но если рано или поздно мы поймём, где была совершена ошибка – для неторопливого постижения это не такая уж сложная задача – нам, может быть, удастся отчётливее увидеть, в какой момент и за счёт каких нововведений мы уклонились от последовательного, разумного и продуктивного пути. Причём, отчётливость эту нам придётся не только отметить разумом, но и глубоко пережить, как одно из сильнейших впечатлений, которые нам пришлось испытать – будь то от событий нашей личной жизни или художественных произведений. Тогда воля сможет выразиться не в новом формулировании проблем, потерявшем свою созидательную силу, а в молчаливом и решительном поведении, диктуемом совестью.

Предпринимая такую авантюру, мы должны быть готовы к тому, что пространство вокруг нас станет быстро разрезаться, но и этого пугаться не стоит. Это, возможно, свидетельство справедливости начинания. Такая закономерность была уловлена ещё Гёте – фигурой, которая как раз относится к искомому нами периоду:

«Когда я стал судить трезвей, число
Людей далёких вдвое возросло...».

«Фауст».

Есть довольно бесхитрое доказательство того, что всё это в наших силах, что человечество владеет могучим механизмом саморегулирования. Некогда американский физиолог Уолтер Кеннон дал ему звучное название «гомеостаза».

Сейчас в сознании легко возникают образы некоей силы, якобы дающей человеку урок – будь то природа, или само мироздание, или лежащий в его основе Высший Разум. Картины эти бывают иногда весьма впечатляющими.

Мне, например, привиделся в опустевших площадях мегаполисов безмолвный и величественный жест Мироздания, как бы останавливающий и отстраняющий нас всех: подождите-ка, постойте в сторонке, дайте мне вздохнуть и сориентироваться. Кажется, что этой мировой стихии недосуг различать в нас добрых и злых, поскольку хорошие позволили злым овладеть ситуацией. И возникает мысль: почему бы нам не перенять этот, полный простоты, мужества и достоинства жест в отношении тех, кто разнузданной жадностью своей влечёт нас к материальному и духовному обнищанию? И по праву сыновей и дочерей Мироздания не повелеть им: постойте-ка в сторонке, пока мы не разберёмся сами, как нам справиться с бедой и как дальше жить. Именно так – без обвинений и наказаний, без полемики и уговоров, как уже действуют сейчас врачи и несколько вменяемых и мужественных наших сограждан.

Или другой образ – увидеть в этих массовых картинах людей в масках ещё один намёк: «Мало вам, что всех вас развели по углам? Теперь ещё и помолчите, закройте рты, перестаньте терзать друг друга своей ботовнёй...».

Но вот этот образ величия и могущества – это ведь отражение наших собственных возможностей и качеств. Это как бы образ нас самих, которыми мы никак не желаем или боимся себя увидеть. Всё, что мы натворили с природой, с нашими экономическими, технологическими и организационными увлечениями, выразилось в определённом разрушительном результате, который нам хочется приписать реакции какой-то внешней силы. Но это всего лишь дело наших собственных рук – мы проявили себя достаточно могучими, чтобы приготовить себе условия, в которых теперь надлежит опомниться и пересмотреть кое-какие основы наших ценностей и действий. Разумеется нам должно хватить мужества и достоинства, чтобы выполнить этот молчаливый жест отстранения всего лишнего и суетящегося.

Если и подразумевать существование высшей силы, то смысл её как раз в том, чтобы наделить нас такими необъятными, иногда противоречивыми возможностями и предоставить широчайшее поле деятельности, на котором можно производить мудрые или недалёковидные эксперименты. Но выбор остаётся за нами. И погубить себя нам даётся возможность без всяких внешних сил. То есть, некому жаловаться и не перед кем каяться, и некого просить.

Так и всплывает опять в воображении терпеливая усмешка этих самых высших сил. Как будто оне качают головой не в знак отказа, а как бы не желая отвечать. А в ответ на наши вопросы «Сколько часов в одной миле? Желтый цвет – круглый или квадратный?» говоря: «Успокойся, дитя мое, ты не понимаешь»? Клайв Льюис предположил, что добрая половина проблем, которые мы пытаемся разрешить, подобна таким вопросам.

Вот и безбожник Иван Карамазов догадывается, что отвечать на хитроумную житейскую философию инквизитора не надо. Старику хочется, чтобы узник, которого он собирается убить, сказал ему что-нибудь, хотя бы и горькое, страшное. А получив в ответ молчание – отпускает его.

Теперь я попытаюсь разрешить ваше недоумение, посмеявшись над самим собой. Этот длинный монолог противоречит сам себе, многословно нарушая свой собственный призыв к молчанию. Он напоминает парадоксальный сатирический плакат: «Не смей командовать»!

Ну, и вы вправе спросить: «А чего ж ты сам-то не помолчишь?»

Должен признаться что искушение заткнуться велико. Однако, и зрелище трудно выносимо.

Так и хочется проговаривать про себя вслед за замечательным поэтом Ириной Машинской:

«Что в рифму гудеть нам, когда не слышать отголоска?

Ума и обмылка не сыщешь,
ни мысли обноска...

... и катят, за руки держась, нашей рябью как сушей...

К стене отвернувшись: "Не хочется, - скажешь, -
не слушай".

В конце концов, это и не призыв вовсе, а всего лишь информация к размышлению, которая может быть заслуживает обмена мнениями или дальнейшего развития. Я ведь – к ВАМ обращаюсь, а не к разъярённым демонстрантам. Мы не знаем о чём сёстры, молчание перед лицом вздорного гнева, говорят между собой. А они, скорее всего, говорят. Только речь их может нам показаться не совсем понятной, а то и опасной.

И есть ещё такое загадочное явление, которое называется избирательный мутизм. Это вроде бы невротическое отклонение, когда ребенок молчит не со всеми, но вступает в словесный контакт с очень ограниченным кругом людей. Остальные же, хоть на голову встанут, не услышат от него ни слова.

Может показаться, что эти дети - сверхзастенчивы. Но наблюдения во время работы с «немыми» дают основания утверждать, что это не совсем так.

Как правило, это дети с очень сильным, а не робким характером. С железной волей и ослиным упрямством. Какой недетской выдержкой надо обладать, чтобы никогда, ни при каких обстоятельствах не раскрывать рта на людях. При этом он прекрасно все слышит и понимает. Он очень внимательно, гораздо внимательнее других детей, следит за происходящим.

Вообще в мутизме много загадочного.

Например, начиная разговаривать, ребенок с элективным мутизмом нередко старается повернуться спиной к тому, с кем говорит. К этому нужно быть готовым и не стремиться сразу его «развернуть». Если, конечно, вы хотите узнать, что он пытается вам сообщить...

Ну и наконец – страх Божий. Прозрение Иезекииля.

«И тебя, сын человеческий, я поставил стражем дому Израилеву, и ты будешь слышать из уст моих слово и вразумлять их от Меня.

Когда я скажу беззаконнику: «Беззаконник! Ты смертью умрёшь», а ты не будешь ничего говорить, чтобы предостеречь беззаконника от пути его, то беззаконник тот умрёт за грех свой, *НО КРОВЬ ЕГО ВЗЫЩУ ОТ РУКИ ТВОЕЙ*».